

За тренировками и изучением нового я чуть было не пропустила довольно важное событие: примерно через год после моего попадания у нас появилось пополнение. В семье Даичи и Каору родилась девочка по имени Карин. Кстати, когда я ее увидела, то тут же подумала про Карин из команды Така, и с каждым годом убеждалась, что, скорее всего, это именно она. Ну, сами посудите: красноволосая, с малиновыми глазами и, к тому же, сенсор! Кем она еще может быть? Кровь, конечно, я проверять не стала, кусать мелкую для того чтобы проверить свои догадки я посчитала негуманным, но, как говорится, все факты указывали на то, что это именно та Карин. Даже близость Кусагакуре в эту теорию вписывается.

Кен и Хана завели детей на три года позже, родилось двое: мальчики-близнецы Хироши и Кента. Мда... честно говоря, это было сложное испытание для меня! Я и клонов-то в основном делала потому, что мне скидывали малышей. Почему-то моя чакра и мое присутствие действовали на них успокаивающе. Странная реакция, но после мне в одно из посещений Библиотеки попался документ, где говорилось о подобной способности некоторых женщин Клана, и приводились простейшие упражнения для ее развития. Правда, проявлялась она обычно после родов, каких-нибудь стрессов или не раньше, чем в двадцать пять-тридцать лет. Но учитывая, что в общей сложности к моменту появления Карин мне было почти двадцать восемь лет, то ничего удивительного. Способность проста как три рубля — это невольная проекция положительных эмоций на окружающих и расположение к себе собеседника, а так же ощущение чужих эмоций находящихся поблизости людей (особенно негативных). Подобное могла делать Узумаки Мито, первая джинчурики Кьюби и по совместительству моя прабабка, правда, двоюродная. А так же, если я правильно помню канон, и Наруто тоже, была и обратная сторона, которая проявлялась в основном у мужчин. Ярким примером могла служить Узумаки Кушина — это умение подавлять своей волей и внушить страх, что-то на подобии узконаправленного КИ, но сильнее, именно поэтому за кланом Узумаки и прикрепилась прозвище Аловолосых Дьяволов, а за самой Кушиной прозвище «Акай Шишио но Хабанеро» или просто Кровавая Хабанеро. Если есть одна способность, развить вторую сложно, но возможно, поэтому я добавила еще и эти упражнения в распорядок дня, за три последующих года добившись неплохих результатов. До Кушины мне, конечно, еще далеко, но я уже могла заставить понервничать даже деда, а про неподготовленных к встрече со мной людей и говорить не приходилось.

Когда мне исполнилось шесть, вернее, моему телу, меня стали не только обучать, но и вводить в курс финансового состояния клана. Хотя, какого клана? Два старика, четыре джоунина и пятерка, как бы обидно ни звучало, малолеток. Тем более, я и Рио не тянули на что-то серьезное, что говорить о младших? Но, даже учитывая это, оказалось, что отец и мать оставили мне накопления на счете. Правда, снять я их могла либо по достижению шестнадцати, либо став чунином, что не очень меня радовало. К тому же, общий счет нашей маленькой общины был внушителен, с великими деревнями не сравнится, но с бюджетами

малых деревень посоперничать мог. Опять же, по снятию с него денег были те же ограничения.

Введение в курс дел включало в себя знакомство с теми, кто покупал сделанные нами печати. Правда, продавали их мало и только взрывные — боялись выдать себя. Ближе к восьми годам сбыт печатей был полностью скинут на меня и Рио: я их мастерила, а Рио сопровождал меня при вылазках. Впрочем, печати были не единственным доходом нашей общины: старшие часто отлучались тряхнуть стариной, чтобы не растерять навыков, беря заказы на отлов бандитов и нукенинов, но опять же, старались слишком не светиться, боясь нападения. Ведь Узумаки, а особенно их умения и знания — лакомый кусок, да и женщины нашего клана всегда ценились. Нас с Рио отказывались брать на подобные вылазки, говоря, что мы еще малы, хотя я, например, и не стремилась на них, в отличие от брата. Но не всегда все проходит так, как мы хотим.

Когда Карин исполнилось три года, нас отпустили показать ей ярмарку, начавшуюся в Кусагакуре. Мне стоило уже тогда что-то заподозрить, но я списала это на волнение от того, что нас с Рио и Карин отпустили одних без сопровождения довольно далеко от защищенного барьерами дома. Все оказалось куда проще: нам с братом решили устроить проверку! Я узнала об этом потом, а тогда... знаете, когда по дороге домой я почувствовала преследование, а после и увидела тех, кто преследовал, я испугалась. Очень и очень испугалась, хотя не только за себя. Скорее, совсем не за себя, а за уснувшую у меня на спине Карин. За Рио я почти не волновалась, ведь прекрасно знала его уровень, а среди преследователей я не чувствовала сильных шиноби, хотя после деда все кажутся слабыми.

Знаете, я плохо помню бой, все запомнилось обрывками, отдельными кадрами. Помню, как осторожно сняла Карин и, создав клона, оставила ее под его присмотром под деревом, а после все слилось в размытое пятно. Нападавших было немного, всего пятеро, нукенины и вряд ли джоунины, скорее даже средненькие чунины, но и нас всего было двое, хоть и, как оказалось, лучше подготовленных. В чувство меня привела информация от развеявшегося теневого клона и мысль, что моя имото в опасности. Откинув от себя нападавшего, я обернулась в сторону, где оставила малышку и увидела, как к ней летит меч одного из нукенинов. Понимание, что не успеваю, и... Я не знаю как так получилось, но я призвала Цепи Чакры, которые не только успели, протыкая, отбросить от Карин нападавшего, но и нанизали на себя остальных, однако, при этом, не задев ни Карин, ни Рио, а после я потеряла сознание. Последнее, что запомнилось перед тем, как я полностью провалилась во тьму, это крепкие руки и голос деда:

— Ты справилась, внученька.

Очнулась я уже дома, в своей комнате. Воспоминания почти сразу лавиной обрушились на меня. Вначале пришла паника, мне было плохо от осознания, что я убила. Убила впервые в жизни, пусть и защищая имото. Стоп, имото... Карин! Что с Карин?! Паника придала мне сил, и я смогла подняться. На краю сознания мелькнула мысль, что я почти не ощущаю свою чакру, а сенсорные способности молчат. Такое ощущение, что их вообще нет. Похоже, у меня сильное истощение. Мысль мелькнула и пропала. Сейчас важно выйти и узнать, что с имото.

Я успела только подняться с кровати, попутно задев тумбочку и сбив с нее кувшин с водой. На грохот, поднявшийся от падения кувшина, прибежал Рио, а вслед за ним и малышка Карин, которая бросилась ко мне и, обняв, заплакала. Я постаралась ее успокоить, но это плохо выходило. В конце концов, Рио сграбастал нас обеих в охапку и попросил меня больше так их не пугать. Знаете, я не думала, что так привяжусь к этим детям, но сейчас, сидя с ними в обнимку на своей кровати, отчетливо понимаю, что они моя семья. Только сейчас я осознала, что не смогу бросить их или заставить себя забыть их. За этих двоих, ну еще за двух отото, я порву любого. Но что самое удивительное: старшее поколение я не стала воспринимать лучше, в отличие от росших со мной или под моим наблюдением детей. Я воспринимаю их чересчур отчетливо, считаю себя обязанной их защитить, в отличие, опять же, от старшего поколения. Надо будет посмотреть в Библиотеке, подобная реакция ненормальна! Ведь я не только привязалась к ним, но и очень отчетливо чувствую их эмоции.

Впрочем, долго нам так сидеть не дали: пришел дед и разогнал нас всех. Мне, как пришедшей в себя, но из-за чакроистощения непригодной к тренировкам еще как минимум день, для профилактики два, сплавили близнецов до вечера. Знаете, сидеть с младенцами, да еще гиперактивными младенцами порядка десяти часов — это мука! Моя способность транслировать положительные эмоции спасала плохо, хотя от чакры и не зависела, ведь успокоить ладно, но их же надо кормить, поить, купать и менять пеленки! Нет, я это уже все умела, прошла, так сказать, с Карин, да и не первый раз меня так оставляют. Но тогда у меня была возможность свалить все на клонов, а сейчас я чакру почти не чувствую, что говорить о ее использовании?! Можно сказать, что в этот день я, наконец, снова почувствовала, что значит быть почти обычным человеком, а не шиноби. Могу сказать одно... мне не понравилось. Поэтому, когда их от меня, наконец, забрали, я была на седьмом небе от счастья. Хотя мысль о том, как я зависима от клонов, неприятно кольнула. Учитывая, что в свои семь лет я спокойно вызывала около сотни, но могла использовать целый день только десять... это было заметно, ведь все десять либо продолжали обучение, либо делали какие-либо срочные дела, не говоря о том, что я постоянно призывала клонов на короткий срок и сверх лимита.

Следующий день для меня, как и обещал дед, даже несмотря на то, что я полностью восстановилась, был свободен от физических тренировок, но зато меня припахали разгрести

чердак. Оказалось, что тетя ждет еще одного ребенка, и было решено отдать Рио чердак полностью, а в его комнате сделать детскую. Братишка был не против, ведь чердак был больше и через окно он мог выбираться на крышу, любоваться на облака или звезды, когда как.

Разбор завалов занял весь день, но он того стоил. Чердак был избавлен от хлама и отмыт от пыли с грязью, хлам в свою очередь был рассортирован на «пригодится», «сжечь» и «нужное», а так же я нашла старую переписку моего отца и его сестры Кушины. Я, кстати, не поверила своим глазам! В письмах было официальное приглашение не только в гости, как родственник к родственнику, но и подписанное Йондайме приглашение на присоединение остатков Клана Узумаки к Конохе на постоянной основе и присвоение ему в таком случае голоса в совете! А Кушина в письме рассказывала, что они построили себе шикарный особняк на земле, принадлежащей нашему Клану, вернее, на месте, где раньше было его посольство от Узушио. Хвасталась, что она смогла восстановить барьеры и вскользь упоминала о каком-то Храме Масок, принадлежащим нашему клану и прикрытым специальным барьером. В некоторые письма были вложены фотографии, их было всего три: одна, где были запечатлены две подруги, «Кушина и Микото», как гласила надпись на развороте; вторая, где была Кушина и голубоглазый блондин в форме джоунина, «я и Минато» было написано на развороте; ну и третья, там в праздничном кимоно стояли две пары: сама Кушина и Минато, а так же уже известная мне Микото с Фугаку, по крайней мере, так было написано. Писем было много, но все они были давнишними. Когда я спросила о них тетю, та сказала, что присланы они были еще до моего рождения, и переписку после смерти отца никто возобновлять не стал. Причины подобного поступка мне рассказать отказались, да я и сама настаивать не стала, только перечитала всю переписку, запечатала в свои ручные печати, отделив и запечатав отдельно (на всякий случай) приглашение в Коноху и письмо, которое прилагалось к нему. Честно говоря, мне повезло, что я поступила так, ведь не будь у меня тех писем... но об этом позже.

Продолжение следует...

<http://tl.rulate.ru/book/54709/1390162>